Глава 7. Избиение под дождём

— Карлос, живей! Последняя сцена!

— Иду! — Ли Сычэнь быстро закатал штанины и проворно поднялся на ноги.

Начинающим статистам вроде него не полагалось капризничать или заставлять себя ждать.

— Дерик, подожди меня, я быстро.

— Угу, — Дерик проводил друга взглядом.

Он видел, как тот подошёл к режиссёру, что-то обсудил, а затем ассистенты принялись крепить на локти и колени мальчика защитные щитки. Дерик порывисто встал, но промолчал. Он понимал порядки съёмочной площадки даже лучше, чем Сычэнь.

Финальная сцена была мрачной: по сюжету старший брат, стремясь выполнить задание, мёртвой хваткой вцепляется в преследователя и погибает под градом ударов. Западные режиссёры ценили реализм, а значит, удары, которые посыплются на Ли Сычэня, вполне могли оказаться настоящими.

Мальчик опустил голову, поправил защиту на локте и глубоко вдохнул. Когда он снова поднял взгляд, он сохранял ледяное спокойствие. Это был его выбор, и он должен нести за него ответственность. Как учила Мишель: если хочешь называться мужчиной, веди себя подобающе.

— Господин режиссёр, я готов.

— Хорошо. — Постановщик явно остался доволен предыдущими дублями, поэтому даже проявил каплю участия, обратившись к остальным актёрам: — Парни, работаем чисто. Нам нужен реализм, но не забывайте, что перед вами ребёнок, не вкладывайте в удары всю дурь.

— Поняли, босс, — наёмники в кадре дружно закивали.

Они и сами были всего лишь актёрами второго плана и прекрасно знали, каким горьким бывает хлеб массовки, а потому втайне сочувствовали старательному мальчишке.

В этой сцене у героя Ли Сычэня не было ни единой реплики. Всё зависело от его мимики и пластики. Единственные слова в кадре принадлежали его оппоненту: «Пошёл прочь!» и «Бейте его!».

— Мотор!

Вспыхнули софиты. Под мерный шум искусственного дождя массивные двери виллы распахнулись. Из них неспешной, уверенной походкой вышел мужчина средних лет — истинный джентльмен. Над его головой тут же раскрыли зонт.

В этот миг Ли Сычэнь бросился вперёд. Он рухнул на колени, и звук удара о камни был настолько резким, что на мгновение показалось, будто время замедлилось. Камера запечатлела этот момент с потрясающим драматизмом.

Сычэнь мёртвой хваткой вцепился в ногу джентльмена.

— Пошёл прочь! — Мужчина с нескрываемым отвращением попытался стряхнуть его, но мальчик прилип к нему, словно клещ.

Ли Сычэнь повернул голову так, чтобы лицо было открыто камере, но сделал это естественно, словно просто прижался плотнее к чужому сапогу, боясь, что его отшвырнут слишком рано. В его сознании набатом били слова того таинственного человека из сценария: «Продержишься двадцать минут — и у твоего брата будут деньги на лекарства».

Он не мог произнести это вслух, поэтому вкладывал весь смысл в немую игру. В объективе камеры было видно, как мальчик до боли стискивает зубы, сдерживая рыдания и физическую немощь. Те, кто видел начало фильма, сразу поняли бы, о чём он думает в этот момент.

Минуту спустя терпение джентльмена лопнуло. Он кивнул своим людям:

— Бейте его!

Тут же Ли Сычэня грубо оторвали от ноги хозяина. Силы были неравны: рослые мужчины грубо отшвырнули его на землю, и на мальчишку посыпались удары кулаков и тяжёлых ботинок.

К всеобщему изумлению, Сычэнь не зажмурился. Он продолжал смотреть на джентльмена широко открытыми глазами, словно не замечая боли. Лишь изредка он хмурился и сжимал губы, выдавая страдания.

Нападавшие, не желая убивать ребёнка по-настоящему, вскоре остановились. Мужчина холодно взглянул на обмякшее тело Ли Сычэня и уже собирался уйти, как вдруг снова почувствовал тяжесть на ноге. Опустив взгляд, он замер: избитый, едва живой мальчик смотрел на него… и улыбался. Эта улыбка была настолько неуместной и пугающей, что джентльмен помрачнел.

Он раздражённо махнул рукой, и началась вторая волна избиения.

Спустя вечность где-то вдалеке пробили часы. Для Ли Сычэня этот звук стал сигналом к спасению. Он окончательно рухнул в грязь и замер. Актёрам и раньше приходилось «убивать» людей в кадре, но такая самоотдача ребёнка лишила их дара речи.

Джентльмен жестом приказал всем отойти. Камера последовала за его шагами, медленно наезжая на Ли Сычэня. Сквозь пелену дождя зрители увидели лицо мальчика. По толпе статистов и техников пробежал холодок: он улыбался. Даже в таком состоянии, на пороге смерти, этот ребёнок улыбался.

В голове невольно всплывал образ той тайной сделки, и осознание смысла этой улыбки вызывало щемящую боль в сердце.

Камера переместилась на джентльмена. Зонт над ним больше не держали, дорогой костюм промок и обвис. Он медленно поднял голову, глядя куда-то вдаль. Он испытал сложную гамму чувств, едва заметно шевельнул губами, но так и не произнёс ни слова, лишь горько и холодно усмехнулся.

— Снято! — Голос режиссёра разрушил магию момента.

— Малыш, — актёр-джентльмен присел на корточки и помог Ли Сычэню, который уже открыл глаза, подняться. — Ты отлично справился. У тебя большой талант. Если не бросишь это дело, однажды твоё имя прогремит на весь мир, и Оскар будет у тебя в кармане.

Ли Сычэнь поджал губы. С его волос стекала вода, но он искренне и по-детски улыбался.

— Спасибо за добрые слова. Я буду очень стараться.

Он не обещал, что останется в кино навсегда, но пообещал прикладывать усилия. Это был достойный ответ: он и поблагодарил мастера за высокую оценку, и не связал себя клятвами на будущее.

— Ха-ха, — мужчина негромко рассмеялся и потрепал мальчика по мокрой голове. — Иди, твой друг уже заждался. — Он указал на Дерика.

— Карлос, быстрее сюда, а то простудишься! — Дерик набросил сухое полотенце на голову друга и принялся бережно его растирать.

— Я сам, — Сычэнь перехватил полотенце. — Спасибо.

Сняв щитки и переодевшись в сухое, мальчики направились домой.

Пока они крутили педали, Дерик всё не мог успокоиться:

— Карлос, ты точно в порядке? Мне показалось, они тебя совсем не жалели.

— Всё хорошо, Дерик, не переживай. У них рука набита, знают, куда бить. Кстати, сколько ты сегодня заработал?

Сычэнь невольно коснулся живота — именно туда пришлись самые тяжёлые удары. Для взрослого это было бы пустяком, но для его маленького тела боль была ощутимой. Он просто не хотел пугать друга.

Стоило Сычэню сменить тему, как Дерик тут же оживился — в конце концов, он был ещё ребёнком и не всегда замечал чужую игру.

— Представляешь, целых двадцать долларов! Деньги небольшие, но маме станет хоть чуточку легче.

— Это здорово, — Сычэнь нащупал во внутреннем кармане заветную купюру в сто долларов.

Сегодня его гонорар был внушительным, но он решил не говорить об этом Дерику. Не от жадности, а чтобы не вносить разлад в их дружбу. Мишель часто повторяла: чувства людей очень хрупки, и стоит в дело вмешаться деньгам, как всё может рухнуть. Ли Сычэнь не до конца понимал эту истину, но предпочитал верить матери на слово. Впрочем, он уже решил, что на эти деньги обязательно купит Дерику какой-нибудь подарок.

— Твоя мама наверняка очень обрадуется.

— Ну… — Дерик сжал кулаки. Он и не думал спрашивать, сколько получил Сычэнь. — Мама много работает, ей порой и за домом-то следить некогда. Я ей не признался, что подрабатываю. Просто тайком покупаю хлеб или овощи и оставляю на кухне. На двадцать долларов можно столько всего набрать! Мама до сих пор не заметила, почему еды в доме стало больше. — Он озорно прищурился. Для него это было похоже на весёлую игру, в которой взрослые никак не могли раскрыть его секрет.

— Дерик, ты молодец, — улыбнулся Ли Сычэнь и вдруг почувствовал свербение в носу. — Апчхи! Твоей маме очень повезло с тобой.

Сычэнь не умел льстить, он говорил именно то, что чувствовал. Сам он зарабатывал ради Мишель — только принося деньги в дом, он чувствовал себя спокойно.

— Я тоже так думаю! — Дерик гордо вскинул голову. Возможность помогать семье наполняла его сердце достоинством. — Но ты всё-таки простудился, Карлос. Живей домой, а то тётушка будет волноваться. И на колени свои посмотри, не забудь обработать. Завтра после школы я за тобой не зайду, хочу ещё подработать, так что ты отдыхай.

— Хорошо, договорились.

На перекрёстке их пути разошлись. Стоило Дерику скрыться из виду, как Ли Сычэнь замедлил ход. Морщась от боли, он слез с велосипеда и, придерживая живот рукой, медленно побрёл к дому. Каждое нажатие на педаль отдавалось резкой резью, и идти пешком было куда легче.

Шагая по пустеющей улице, мальчик тихо прошептал:

— Ли Гоудань, ты бы наверняка удивился. Моя игра становится всё лучше. Это ведь ты меня научил… Жаль, что ты так и не вернулся. Но я всё равно надеюсь, что у тебя всё хорошо. Ты был вторым человеком в моей жизни, который отнёсся ко мне по-доброму.

Он понимал: если бы не Джек, он бы никогда не встретил Мишель и не обрёл бы ту жизнь, что у него есть сейчас. Возможно, он бы давно погиб. А потому в его сердце не было обиды. Как говорила тётушка Чжан, каждый имеет право искать своё счастье.

http://bllate.org/book/17536/1701263